

DOI 10.22363/2312-9220-2021-26-2-188-197

УДК 821.161.1.94

Научная статья / Research article

Парадоксы исторической памяти в послевоенных поэмах А. Твардовского

И.Б. Ничипоров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

✉ il-boris@yandex.ru

Аннотация. Предложено современное прочтение недостаточно изученных на сегодняшний день четырех послевоенных поэм А.Т. Твардовского: «Дом у дороги», «За далью – даль», «Геркин на том свете», «По праву памяти» – в этом заключается актуальность проблематики данного исследования. Научная новизна состоит в том, что основное внимание уделено художественному воплощению исторического мышления в этих произведениях, идет речь о характерном для них противоречивом сочетании элементов утопического сознания и антиутопического настроения лирического героя, осмысляющего значительные пласты личной и исторической памяти. Делаются выводы о том, что в послевоенных поэмах Твардовского запечатлелись парадоксы исторического мышления личности, которая, с одной стороны, высвобождается из-под влияния господствующей идеологии, с другой – демонстрирует апологетический настрой в отношении ключевых понятий и мифологем тоталитарного дискурса. Герой поздних поэм Твардовского предстает как фронтовик, художник, публицист, аналитик современности, провидец; он странствует по дорогам прошлого и настоящего, блуждает на перепутьях личной и исторической памяти, добирается даже до «того света», продолжает верить в миссию вождей, априорную «правоту» Страны и Народа – и при этом движим антиутопическими импульсами, в обстоятельствах собственной судьбы прозревает сверхлические загадки истории.

Ключевые слова: Твардовский, жанр поэмы, тема памяти, история и современность, вождизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 5 января 2021 г.; принята к публикации 30 января 2021 г.

Для цитирования: Ничипоров И.Б. Парадоксы исторической памяти в послевоенных поэмах А. Твардовского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 188–197. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-188-197>

Paradoxes of Historical Memory in A. Tvardovsky's Post-War Poems

Илья В. Nichiporov

Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskiie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

✉ il-boris@yandex.ru

Abstract. The article deals with the modern interpretation of four post-war poems by A.T. Tvardovsky: *House by the Road*, *Beyond Distance*, *Tyorkin in the Other World*, *By Right of Memory*, which were insufficiently studied in the previous research works. The main idea is focused on the artistic embodiment of historical thinking in these works. The main feature of these works is a contradictory combination of utopian consciousness and the dystopian mood of the lyric hero, who is pondering over personal and historical memory. The author concludes that Tvardovsky's post-war poems capture the paradoxes of the historical thinking of a personality who, on the one hand, gets out of the influence of the dominant ideology, and on the other hand, demonstrates an apologetic attitude towards the key concepts and mythologems of totalitarian discourse. The hero of Tvardovsky's later poems appears as a front-line soldier, an artist, a publicist, an analyst of modern times, a prescient; he wanders the roads of the past and present, at the crossroads of personal and historical memory, gets even to death, goes on believing in the mission of the political leaders, the a priori truth of the Country and the People inspired by dystopian impulses and sees mysteries of history through his destiny.

Keywords: Tvardovsky, the genre of the poem, the theme of memory, history and modern times, the cult of the political leader

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted January 5, 2021; revised January 25, 2021; accepted January 30, 2021.

For citation: Nichiporov, I.B. (2021). Paradoxes of historical memory in A. Tvardovsky's post-war poems. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 26(2), 188–197. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-188-197>

Введение

Поздний поэтический эпос А.Т. Твардовского традиционно остается на периферии исследовательского внимания, «в тени» «Василия Теркина». Между тем «лирическая хроника» «Дом у дороги» (1942–1946), поэмы «За далью – даль» (1950–1960), «Теркин на том свете» (1954–1963), «задержанная» поэма «По праву памяти» (1966–1967, опублик. в 1987)¹ примечательны многоплановым художественным преломлением исторического опыта, взаимодействием автобиографических мотивов с интерпретацией прошлого и современности. По замечанию Ю. Буртина, каждая из поэм Твардовского, начиная еще со «Страны Муравии» (1934–1936), «открывала, выражая в самых существенных ее чертах, какую-то новую крупную полосу, в которую вступала жизнь народа... сама тема, само время выбирали его... в качестве свое-

¹ Текст поэмы «Дом у дороги» цитируется по [1], тексты поэм «За далью – даль», «Теркин на том свете» по [2], текст поэмы «По праву памяти» по [3].

го глашатая и летописца» [4]. Здесь в диапазоне от первых пятилеток до «послеоттепельных» разуверений отразилось «движение времени на протяжении целых сорока лет... от надежд к разочарованиям, от радостного приятия «советской действительности» ко все более определенному противостоянию ей» [5].

Обсуждение

Поэма «Дом у дороги» связывает военные испытания с первым послевоенным восстановлением Дома, органичной сопряженности с природными циклами, приоткрывает значительный слой культурной памяти, произрастает из «народно-песенной стихии» [6. С. 19], жанра народного плача о войне, которая «пришла в дом, чтобы его разрушить» [7. С. 10], здесь «лирическое, трагедийное начало выдвигается на первый план» [8. С. 60].

Пространство памяти о «трудном годе», когда «война стояла у ворот // Столицы осажденной», соединяет исповедь автора о поневоле прерванной «на половине» творческой работе с порой идиллически освещенными воспоминаниями персонажей, Андрея Сивцова и его жены, о довоенном ладе, «порядке и уюте», о воскресном летнем покосе 1941 г. Историческая основа и местный колорит произведения обусловлены тем, что «образы героев поэмы типичны для Смоленщины: каждая семья была разлучена войной, находилась по разные стороны линии фронта до освобождения в 1943 году» [9. С. 117]. В растянувшемся на годы памятовании Анны о том, как в 41-м «не докосил хозяин луг», о пересыхающих колодцах, окопах во дворе их «приметного дома у столбовой дороги», в ретроспективном изображении подробностей того, как «чужой солдат вошел в ваш дом», а пленные «сыны земли родной» брели «в позорных сборных ротах», – происходит *художественное укрупнение частной судьбы, которая служит подлинной мерой «большой» истории*. Эпическая панорама войны, что «старинным голосом... по всей стране завывала», масштабные массовые сцены переходят в сочувственное и полемичное в отношении к официозу взгляды в драму «отставшего от войны» солдата, который, встретясь с женой «перед другой разлукой», «хлебал, что вынесла ему // Жена тайком из дому», а также в переживания Анны, оказавшейся с детьми в плену в Восточной Пруссии, где даже чужая природа доносит до нее память о родной земле:

И эта памятная смесь
Цветов поры любимой
Была для сердца точно весть
Со стороны родимой.

И этих запахов тоска
В тот чуждый край далекий
Как будто шла издалека –
Издалека с востока.

Подхватывая размышления и невербализованные состояния центрального героя, прошедшего через фронт, пленение семьи, зрелище того, как «дом пылал зажженный», через горькое возвращение к опустевшему очагу, автор апеллирует к историческому чувству современников («Вернись, товарищи, назад, // К той памяти жестокой»), метафорически «овеществляет» «окаменевшую» материю памяти, которая «крепка сама собой», постигает, насколько «память горя велика», и именно в сбережении «глухой памяти боли» усматривает нравственный ориентир послевоенной эпохи:

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

В поэме «За далью – даль» художественная картина коллективной и индивидуальной памяти заметно усложняется, обостряются ее неразрешимые для лирического «я» парадоксы. В произведении «взаимоперетекают черты гражданско-публицистического... и лирико-исповедального высказывания» [8. С. 62], противостоят лики и личины памяти, а повествователь, стремящийся к пересмотру стереотипов в оценке прошлого, мучительно ощущает, как ему «мешало многое другое, // Что нынче в памяти у всех».

Жанровая форма «дневника дорожного», насыщенного тем, «чем полна еще душа», активизирует «взаимодействие героя со временем и пространством» [10. С. 46–47] – с детства до послесталинской поры, от Смоленщины до Поволжья, Урала, Забайкалья и Дальнего Востока, причем биографическое время совершает здесь «движение одновременно вперед и вспять» [10. С. 46–47]. Наблюдая то в одиночестве, то вместе с попутчиками меняющиеся ландшафты за окном вагона, повествователь предпринимает и «внутреннее» путешествие по недоосмысленным им лабиринтам памяти. Он воскрешает в себе военные эпизоды в лицах и образах («Заводы – беженцы войны – // И с ними люди-погорельцы»), вместе с незнакомым майором обзрывает Волгу, что «свой древний совершала путь», и в центр этого созерцания выдвигает то обстоятельство, что майор «под Сталинградом // За эту Волгу воевал». Герой корит себя за недостаточное внимание к собственной внутренней жизни и надеется хотя бы теперь «побыть // С самим собою, с белым светом», в сосредоточенности «листать обратно календарь» и ощутить, как «по зарастающему следу // Уводит память давних лет». Пристрастное исследование детских смоленских впечатлений, крестьянской «памяти жизни бедной, // Обидной, горькой и глухой», того, как впервые «побыл в городе с отцом», мысленная реконструкция теркинской «дороги незабвенной», «где мой герой поры военной // С войсками фронта проходил», – обращают его к сопоставлению различных творческих периодов, в том числе и таких, когда «пропал запал... недостоверны мысли, чувства», а также к пронизательному чувству климата современности, неизбежных трансформаций памяти о войне:

Та память вынесенных мук
Жива, притихшая, в народе,
Как рана, что нет-нет – и вдруг
Заговорит к дурной погоде.

«Драматургия» горячего вагонного спора о значении фронта и тыла, разгоревшегося, когда «давно война отгрохотала, // Давно в страде иной страна», реакции его участников и слушателей подводят героя к *оценке военных воспоминаний как отнюдь не отболевшей и далеко не всегда объединяющей общество коллективной травме:*

Душа, минуя давность лет,
Той горькой памяти оставить
Еще не может и – нет-нет –
В тот самый заступает след.

Даже картины мирного строительства на Ангаре отягощаются в воображении повествователя явными анахронизмами в виде батальных сцен:

Как будто, смяв войска блокады,
 Встречались братские войска.
 Двух встречных армий
 Два солдата –
 Друг другу руки жмут ребята.

Признание в личном опыте достоверного источника исторического знания парадоксальным образом сочетается в поэме с непреодоленной зачарованностью вождистской, радикально антиличностной утопией. Так, война и современность прорисовываются в калейдоскопе субъективных отражений и воспоминаний лирического «я», его вагонных попутчиков – бывших фронтовиков и тыловиков, молодоженов-москвичей, с энтузиазмом едущих по распределению в Сибирь: «И мы глядим на них глазами // Минувшей юности своей». В то же время любование Волгой – «серединой земли родной» – вызывает у повествователя ассоциации с «мечтой еще царя Петра», предвосхитившей «неисчетные дела» «великого Ленина»; впечатления от Владивостока настойчиво увязываются с напоминанием о том, что это именно тот «... приморский город, // Что Ленин нашеньским назвал».

В прихотливом сюжетном рисунке поэмы *аксиологическое противостояние индивидуальной судьбы и рефлексов тоталитарного мышления* оказывается ключевым и достигает предельной остроты в кульминационных главах «Друг детства» и «Так это было». В первой россыпью психологических подробностей выведена неловкая встреча на перроне «в тайге на станции Тайшет» с давним другом, возвращающимся из колымского лагеря. Случайный эпизод обнаруживает в герое болевой порог памяти, опровергает его недавние бодряческие декларации («Нет, жизнь меня не обделила, // Добром своим не обошла...») и, казалось, нацеливает на переоценку истории и современности:

Он сердца был живую частью,
 Бедой и болью потайной.
 И годы были не во власти
 Нас разделить своей стеной.

<...>

В труде, в пути, в страде походной
 Я неразлучен был с одной
 И той же думой неисходной, –
 Да, я с ним был, как он со мной.
 Он всюду шел со мной по свету,
 Всеми причастен на земле.
 По одному со мной билету,
 Как равный гость, бывал в Кремле.

И те же радости и беды
 Душой сыновней ведал он:
 И всю войну,
 И День Победы,
 И будни нынешних времен.

Однако «исповедальный самоанализ автора» [11. С. 164], рожденные этим сюжетным поворотом «мотивы печали и внутреннего самосуда» [11. С. 166] все же оттесняются господствующим в его сознании *идеологическим императивом* («Мне правда партии велела // Всегда во всем быть верным ей»), твердой приверженностью *тоталитарным мифологемам Страны и Народа как носителей неоспоримой истины*:

Винить в беде своей безгласной
Страну?
При чем же здесь страна!
<...>
Винить в своей судьбе жестокой
Народ?
Какой же тут народ!..

Действительно, «допустить мысль, что и народ может быть неправ, что страна, государственная система может быть виноватой, герой поэмы пока еще не может» [11. С. 165], хотя в главе «Так это было» он пытается «смягчить» вождистские установки посредством окрашенного личным чувством народнопоэтического взгляда на историю. Монументальность «великого Ленина» как будто «очеловечивается» в его восприятии тем, что «он не был богом // и не учил творить богов», и особенно воспоминанием о том, как вместе с «другом и однокашником» они «то имя-знамя в нашем сердце // По пятилеткам пронесли». Даже всевластие «отца», который «непреклонностью отчей воли» «... мог на целые народы // Обрушить свой верховный гнев», становится предметом умеренной апологии. Повествователю верится, что в моменты решающих испытаний «верховная» воля вождя обретала равновесие с устремлениями человеческих множеств (ему «мы все обязаны победой, // Как ею он обязан нам...»), а в его величии исподволь проступала понятная обычным людям немощь «плоти стариковской»...

Подобно тому как в «Стране Муравии» (1934–1936) Сталин представал справедливым былинным властелином, который «едет сам // на вороном коне... И пишет в книжечку свою // Подробно все, что следует» и с которым герой-правдоискатель вел воображаемый разговор о том, «чтоб и меня и хуторок // Покамест что оставить» [12. С. 252–254], – здесь в фольклорной стилистике, в образе Старушки с ключами выведена смерть вождя. В духе сказочных сюжетов «тризна грозного отца» трактуется повествователем как судьбоносная веха собственного пути, начало самостоятельной жизни, ибо именно с его уходом «твоей той молодости нет... // Мы все как будто постарели – // Нет, повзрослели – в этот час». Символическое прощание с обоими вождями в Колонном зале таит в поэме эфемерную надежду на хотя бы частичное высвобождение индивидуального и общественного сознания из-под бремени поклонения тиранам. И тем не менее герой Твардовского мужественно выделил себя из массы советских людей «напряженным, концентрированным чувством личной исторической ответственности... лиро-эпическая картина страны в восприятии путешественника сменяется картиной души, переживающей свои отношения со страной, с ее историей и судьбой» [11. С. 167, 168]:

Мы стали полностью в ответе
За все на свете –
До конца.
И не сробели на дороге,
Минуя трудный поворот.
Что ж, сами люди, а не боги
Смотреть обязаны вперед.

В условно-фантастическом сюжете *поэмы «Теркин на том свете»* в свернутом виде прочерчены грани исторической памяти, из которых складывается «сатирическая модель советского государственного устройства» [11. С. 161]. Пунктирная история о «везде» «виноватом» солдате пропитана горечью воен-

ных воспоминаний, не изживаемых даже в загробном мире, а встреченный здесь Теркиным фронтовой товарищ, «друг памятных дорог», словно в противовес дезориентирующим тупикам официоза, свидетельствует о войне как внезапно открывшейся перспективе самостоятельного выбора и поступка:

В окруженье – в сорок первом –
Хоть какой, но выход был.

Был хоть суткам счет надежный,
Был хоть запад и восток,
Хоть в пути паек подножный,
Хоть воды, воды глоток!
<...>
Был бы только этот выбор, –
Я б остался на войне.

Тяжким грузом земной истории остается «на том свете» и лагерный опыт. Мрачный каламбур («Область вечной мерзлоты // В вечность их списала») срачивается с выразительной массовой сценой, где лица перешедших в иной мир лагерников стираются сгубившими их непригодными для жизни пространствами и не вынесенными сроками заключения: «Там – рядами по годам // Шли в строю незримо // Колыма и Магадан, // Воркута с Нарымом». Этический призыв к сохранению исторической памяти («Память, как ты ни горька, // Будь зарубкой на века!») получает в поэме «обратный» разворот, поскольку в сюжете об Особом отделе, который и там управляется «самим Верховным», что «давно уж сам себе // Памятники ставит», – пророчески высвечивается *гибельная сторона памяти, проявившаяся в стойкой от поколения к поколению инерции сталинизма как возжеленного для многих типа общественного устройства*:

Для живых родной отец,
И закон, и знамя,
Он и с нами, как мертвец, –
С ними он
И с нами.
Устроитель всех судеб,
Тою же порою
Он в Кремле при жизни склеп
Сам себе устроил.

Итоговая в творчестве Твардовского *поэма «По праву памяти»*, эта «лирическая медитация» [11. С. 170] и вместе с тем «гневная и страстная публицистическая инвектива» [4], возможно, продиктованная ощущением автора, что в прежних вещах он «недосказал о Сталине и его времени чего-то существенного» [4], проникнута творческим видением памяти как ответственного и трагического предостояния перед живыми и ушедшими:

Где, может быть, смолчат живые,
Так те прервут меня:
– Позволь!
Перед лицом ушедших былей
Не вправе ты кривить душой...

Потрясения недавних десятилетий, массовые репрессии и расправы над родственниками репрессированных оригинально высвечиваются здесь в зеркале затеянной вождем и его государством словесной игры, манипулирующей многими судьбами и жизнями: «То был отец, то вдруг он – враг», «и вдруг –

ни в чем не виноват... благодари отца народов». *Спекулятивное слово, то обвиняющее, то в одночасье дарующее «оправдание», выступает центральным «антигероем» поэмы, «творцом» болезненной псевдореальности, берущим в заложники ход истории, общественное и индивидуальное сознание.* «Пять кратких слов» вождя («Сын за отца не отвечает») для тысяч семей, «виноватых без вины», создавали иллюзию освобождения от нависавшей угрозы уничтожения, от «зловещей некогда графы» любой анкеты, поскольку «клеймо с рожденья отмечало // Младенца вражеских кровей». Надолго закрепившееся в словаре эпохи «звание сын врага народа» повлекло искажение детско-родительских связей, деформировало даже представления о военном подвиге:

Недаром в дни войны кровавой
Благословлял ее иной:
Не попрекнув его виной,
Что душу горькой жгла отравой,
Война предоставляла право
На смерть и даже долю славы
В рядах бойцов земли родной.

Предоставляла званье сына
Солдату воинская часть...

Путь трудной переоценки родового наследия берет начало в биографической драме героя и поставляет его перед «судом десятилетий». В жесточайших и психологических подробностях повествователем воссоздается трагический образ отца, с его натруженными крестьянскими руками, который «сошел за кулака», пережил изгнание «куда-то за Урал», но до конца так и не расстался с упованием на помощь вождя:

И верил: все на место встанет
И не замедлит пересчет,
Как только – только лично Сталин
В Кремле письмо его прочтет...

Раздумья об исторической ответственности современников «за всеобщего отца» явились в поэме «актом сопротивления... продолжением той борьбы, которую ее автор и руководимый им журнал вели против наступающей реставраторской тенденции» [4]. В заключительной же главе «О памяти» симптоматична попытка героя и его единомышленников – «очевидцев поколенья» за разоблаченной фигурой «богоподобного» «отца» прозреть иного, якобы справедливого в своей «человечности» вождя. «Процесс освобождения самого поэта от тоталитарного менталитета» [11. С. 178] предстает в поэме крайне непоследовательным и осложняется *комплексом социального инфантилизма*, надеждами на «семейственность» государства и его «мудрое» первенство в отношении частных судеб:

И наготове вздох особый –
Дерзання нашего предел:
Вот если б Ленин встал из гроба,
На все, что стало, поглядел...

Уж он за всеми мелочами
Узрел бы ширь и глубину.
А может быть, пожал плечами
И обронил бы:
– Ну и ну! –

Так, сьяк гадают те и эти,
Предвидя тот иль этот суд, –
Как наигравшиеся дети,
Что из отлучки старших ждут.

Но все, что стало или станет,
Не сдать, не сбуть нам с рук своих,
И Ленин нас судить не встанет:
Он не был богом и в живых.

Заключение

Итак, послевоенные поэмы Твардовского развернули обширное историческое полотно и в разнообразных жанрово-стилевых решениях, в «лирических хрониках», дорожных дневниках, фантастических путешествиях, исповедально-публицистических монологах, в столкновениях несхожих «голосов» – высветили парадоксы исторического мышления личности, которая мучительно вырывается из тисков господствующей идеологии и в то же время сохраняет апологетический настрой в отношении ключевых понятий и мифологем тоталитарного дискурса. Герой поздних поэм Твардовского – фронтовик, художник, публицист, аналитик современности, провидец – странствует по дорогам прошлого и настоящего, блуждает на перепутьях личной и исторической памяти, добирается даже до «того света», продолжает верить в миссию вождей, априорную «правоту» Страны и Народа – и при этом движим антиутопическими импульсами, в обстоятельствах собственной судьбы прозревает сверхличные загадки истории.

Список литературы

- [1] *Твардовский А.Т.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Стихотворения (1940–1945). Поэмы. Василий Теркин. Дом у дороги / примеч. Ю. Буртина, Р. Романовой. М.: Художественная литература, 1977.
- [2] *Твардовский А.Т.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Стихотворения (1946–1970). Поэмы. За далью – даль. Теркин на том свете / примеч. А. Туркова, Р. Романовой. М.: Художественная литература, 1978.
- [3] *Твардовский А.Т.* По праву памяти // Lib.ru. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/TWARDOWSKI/temory.txt> (дата обращения: 12.01.2021).
- [4] *Буртин Ю.* «Вам, из другого поколения...» // Виперсон. 1987, 22 марта. URL: <http://viperson.ru/articles/vam-iz-drugogo-pokoleniya> (дата обращения: 12.01.2021).
- [5] *Буртин Ю.* Исповедь шестидесятника // Горький. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2001/2/ispoved-shestidesyatnika.html> (дата обращения: 12.01.2021).
- [6] *Бессонова Л.П.* Фольклорные традиции в эпической поэзии А.Т. Твардовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006.
- [7] *Снигирева Т.А.* «Навсегда, Василий Теркин, подружались мы с тобой» (поэма «Василий Теркин» в контексте творчества А. Твардовского военных лет) // Филологический класс. 2010. Т. 23. С. 8–12.
- [8] *Зайцев В.А.* Лекции по истории русской поэзии XX века (1940–2000). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
- [9] *Романенко Г.В.* Смоленский след в поэме А.Т. Твардовского «Дом у дороги» // Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений / отв. ред. В.В. Ильин, О.А. Новикова. Смоленск, 2015. С. 115–121.
- [10] *Ермоленко Г.Н.* Художественное время в поэме А.Т. Твардовского «За далью – даль» // Литературное наследие А.Т. Твардовского в смене поколений / отв. ред. В.В. Ильин, О.А. Новикова. Смоленск, 2015. С. 46–57.

- [11] Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Александр Твардовский // Современная русская литература: в 3-х кн. Кн. 1. Литература «Оттепели» (1953–1968): учебное пособие. М., 2001. С. 152–178.
- [12] Твардовский А.Т. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Стихотворения (1926–1940). Страна Муравия: поэма. Переводы / предисл. К. Симонова; примеч. Ю. Буртина, Р. Романовой. М.: Художественная литература, 1976.

References

- [1] Tvardovsky, A.T. (1977). *Collected works. Vol. 2. Verses (1940–1945). Poems. Vasily Tyorkin. The House by the Roadside* (Yu. Burtin & R. Romanova, Notes). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [2] Tvardovsky, A.T. (1978). *Collected works. Vol. 3. Verses (1946–1970). Poems. Horizon after Horizon. Tyorkin in the Other World* (A. Turkov & R. Romanova, Notes). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)
- [3] Tvardovsky, A.T. (n.d.). On the right of memory. *Lib.ru*. Retrieved January 12, 2021, from <http://lib.ru/POEZIQ/TWARDOWSKIJ/memory.txt> (In Russ.)
- [4] Burtin, Yu. (1987). “To you, from another generation...”. *Viperson*. Retrieved January 12, 2021, from <http://viperson.ru/articles/vam-iz-drugogo-pokoleniya> (In Russ.)
- [5] Burtin, Yu. (n.d.). Confessions of the sixties. *Gor'kii*. Retrieved January 12, 2021, from <https://magazines.gorky.media/druzhba/2001/2/ispoved-shestidesyatnika.html> (In Russ.)
- [6] Bessonova, L.P. (2006). *Folklore traditions in the epic poetry of A.T. Tvardovsky* (Abstract of the Dissertation of the Candidate of Philological Sciences). Majkop. (In Russ.)
- [7] Snigireva, T.A. (2010). “Forever, Vasily Terkin, we made friends with you” (the poem “Vasily Terkin” in the context of A. Tvardovsky’s creativity of the war years). *Filologicheskij Klass*, 23, 8–12. (In Russ.)
- [8] Zajcev, V.A. (2009). *Lectures on the history of Russian poetry of the 20th century (1940–2000)*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ. (In Russ.)
- [9] Romanenko, G.V. (2015). Smolensky trace in A.T. Tvardovsky’s poem “House by the road”. In V.V. Ilin & O.A. Novikova (Eds.), *The Literary Legacy of A.T. Tvardovsky in the Change of Generations* (pp. 115–121). Smolensk. (In Russ.)
- [10] Ermolenko, G.N. (2015). Artistic time in A.T. Tvardovsky’s poem “Beyond the Distance”. In V.V. Ilin & O.A. Novikova (Eds.), *The Literary Legacy of A.T. Tvardovsky in the Change of Generations* (pp. 46–57). Smolensk. (In Russ.)
- [11] Lejderman, N.L., & Lipoveckij, M.N. (2001). Alexander Tvardovsky. *Modern Russian literature. Book 1. Literature of the “Thaw” (1953–1968)* (pp. 152–178). Moscow. (In Russ.)
- [12] Tvardovsky, A.T. (1976). *Collected works. Vol. 1. Verses (1926–1940). The Land of Muraviya: Poem. Translations* (K. Simonov, Preface; Yu. Burtin & R. Romanova, Note). Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ничипоров Илья Борисович, доктор филологических наук, профессор, кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Bio note:

Ilya B. Nichiporov, Doctor habil., Professor, Department of the History of the Newest Russian Literature and the Modern Literary Process, e Lomonosov Moscow State University.